

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2020.19.71.022

Этнорегиональные особенности оснований жизненных проектов (на материале исследования молодежи Крыма и Кубани)

Тучина Оксана Роальдовна

Доктор психологических наук, доцент,
завкафедрой истории, философии и психологии,
Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, 2;
e-mail: tuchena@yandex.ru

Черный Евгений Владимирович

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой социальной психологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
95000, Российская Федерация, Симферополь, пр. Вернадского, 4;
e-mail: cherney56@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-013-00283 А «Исторический опыт личности в контексте глобализации (на материале исследования самопонимания национальной идентичности молодежью Кубани и Крыма)».

Аннотация

В статье изложены результаты сравнительного исследования влияния родительских протоколов (содержание и форм запретов, поощрений тех или иных поступков, действий, ситуаций), формирующих инструментальные и терминальные ценности и соответствующие операциональные, целевые и личностные установки молодых жителей Кубани (русских и армян) и Крыма (русских, украинцев, крымских татар) на становление их жизненных проектов (значимость компонентов желаемого будущего, представление об авторстве собственного жизненного пути или о своей зависимости от других. Родительские протоколы изучались в ретроспективе, по воспоминаниям респондентов, а компоненты жизненных проектов, в основном, в актуальном или перспективном планах. Анализ результатов исследования выявил ряд этнокультурных и региональных различий. Стремление к сохранению традиционных ценностей больше всего выражено у кубанских армян и крымских татар.

Для цитирования в научных исследованиях

Тучина О.Р., Черный Е.В. Этнорегиональные особенности оснований жизненных проектов (на материале исследования молодежи Крыма и Кубани) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5А. С. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2020.19.71.022

Ключевые слова

Кросскультурное и кроссрегиональное исследование, нарративная психология, нарративное интервью, жизненный проект, родительский протокол, образ желаемого будущего.

Введение

Известно, что развитие культуры изначально обусловлено запретами, цель которых «усмирить» инстинкты и сдвинуть человека от его природной сущности в сторону бытия, не ограниченного лишь биологической целесообразностью. Возможность осмысленного существования групп – семей, племен, этносов, объединенных общими целями (выживание, воспроизводство, доминирование на какой-либо территории, сохранение традиций и проч.) и идентичностью определяется, в числе прочих факторов, адекватной социализацией членов этих групп. И, хотя содержание и формы запретов «плохого», так же как стимулирование стремления к «хорошему», различаются в культурах, социализация и, в особенности, её составляющая – воспитание, происходит посредством процесса интериоризации: «...всякая высшая форма поведения появляется в своем развитии на сцене дважды - сперва как коллективная форма поведения, как функция интерпсихологическая, затем как функция интрапсихологическая, как известный способ поведения» [Выготский, 1982, с. 115].

Цель исследования: кросскультурный и кроссрегиональный анализ сходств и различий в процессе и результатах влияния родительского протокола на формирование отдельных компонентов жизненного проекта личности. Родительский протокол мы рассматриваем в качестве основания жизненного проекта и образа жизни, жизненного пути личности.

Методология исследования

Теоретико-методологическим основанием исследования были положения нарративной психологии о возможности изучения субъективных репрезентаций людьми собственного опыта и соответствующих переживаний, вызванных, прежде всего, эмоционально насыщенными событиями и ситуациями прошлого [Сапогова, 2014; Нуркова, 2001; Murray, 2003; Singer, 2004; Барский, 2010; McAdams, 2006].

Для исследования на основе методики Д.П. МакАдамса было разработано стандартизированное нарративное интервью, предполагающее «погружение» респондента в прошлое: в детство, подростковый возраст [Черный, Тучина, 2020]. Обработка результатов анкетирования позволила стандартизировать ответы по вариантам и сделать количественный и качественный анализ различий в восприятии тех или иных особенностей родительских протоколов и отношения к ним. В частности, определялись содержание и формы запретов, поощрений тех или иных поступков, действий, ситуаций, формирующих инструментальные и терминальные ценности и соответствующие операциональные, целевые и личностные установки молодых жителей Кубани (русских и армян) и Крыма (русских, украинцев, крымских татар) на становление их жизненных проектов: значимость компонентов желаемого будущего, представление об авторстве собственного жизненного пути или о своей зависимости от других.

Обработка результатов проводилась методом контент-анализа. Были выделены следующие «рээрные точки» жизненных сценариев.

Описание выборки

В исследовании участвовали 600 респондентов, 300 жителей Кубани (150 мужчин и 150 женщин, 82 % русских, 10 % армян) и 300 жителей Крыма (150 мужчин и 150 женщин, 70 % русских, 20% крымских татар, 8% украинцев).

Результаты исследования

Как известно, запреты играют важную роль в социализации индивида, определяя приемлемые и неприемлемые формы поведения. Только 2-5 % проживающих в Крыму и на Кубани респондентов-славян отмечают отсутствие запретов в родительской семье (при этом женщины во всех выборках в два раза реже отмечают это, чем мужчины), а в выборке армян - и мужчин, и женщин - вообще никто не фиксирует отсутствие запретов. Анализ ответов респондентов позволил выделить следующие особенности родительских запретов:

- асоциальные поступки, по воспоминаниям респондентов всех выборок, запрещались одинаково часто (от 90 до 100%);

- запреты на «капризы и истерики» гораздо реже имели место в семьях кубанцев (за исключением мужчин-армян), чем в семьях крымчан, где такое поведение максимально не принималось взрослыми в семьях крымских татар;

- практически все респонденты-армянки вспоминают запреты относительно любого асоциального, неприемлемого или опасного поведения; славяне – жители Кубани вспоминают несколько более лояльное отношение родителей к капризам, истерикам, а также к потенциально опасному поведению, чем славяне-крымчане и крымские татары.

В целом различия в родительских запретах проявляются у кубанских армян гораздо чаще по сравнению с кубанскими русскими и жителями Крыма. Среди крымских респондентов различия между славянами и крымскими татарами относительно таких запретов практически отсутствуют. Можно утверждать, что армяне сохраняют больше своеобразия и отличий от славян по этим показателям, чем крымские татары.

Формы, в которых родители пытались отслеживать и контролировать выполнение запретов и ограничений отличаются следующими особенностями:

- крик, угрозы, унижительные комментарии более характерны для русских Кубани, чем для жителей Крыма, хотя в обоих регионах процент респондентов, обозначивших вербальные формы запретов, достаточно высок: от 50-60 % – у армянских и крымскотатарских женщин, до 90 % у русских кубанцев;

- в Крыму меньше респондентов вспомнили такие формы наказаний как лишение развлечений, карманных денег, удовольствий: от 35-40 % у крымских татар, до 50-60 % у славян, тогда как на Кубани до 80 % русских и у 100 % армянок;

- физическое воздействие назвали не более 17% русских на Кубани, никто из армян, до 25% славян в Крыму и до 15 % крымских татар-мужчин и лишь 5 % крымских татарок;

- работу как наказание применяли, по воспоминаниям респондентов, на Кубани 75% армян и 70% армянок и всего 9-11% русских, а в Крыму от 15 до 25% славян и от 60 до 65% крымских татар;

- довольно незначительное количество родителей, судя по воспоминаниям молодежи из обоих регионов, никогда не наказывали, а старались объяснить последствия неправильных действий (от 5 до 15%) у славян и крымских татар до 10-25% армян.

Формы запретов также различаются по воспоминаниям мужчин и женщин. Очевидно, что

родители меньше кричат, угрожают, унижают и наказывают физически девочек, особенно это касается крымских татарок и армянок, которых вообще не наказывают физически. Нужно признать, что не исключены искажения в ответах. Возможно, установки, свойственные культуре, просто не позволяют это вспомнить, либо не позволяют признать. В любом случае, отсутствие одних форм наказания компенсируется другими. Например, армянки чаще других респондентов отмечают выполнение определенной работы как наказание и буквально все - лишение развлечений, карманных денег, удовольствий.

По результатам кросскультурного и кроссрегионального исследования наиболее явно определились гендерные различия. В целом, по всем выборкам воспоминания о запретах чаще встречаются у женщин. При этом, у крымскотатарских женщин эти различия по сравнению с мужчинами выражены более явно, чем в выборке славян. Но самые значительные гендерные различия по всем показателям у армян. Так, запрет непослушания отмечают 100% женщин и только 30% мужчин, позднее возвращение домой и общение с незнакомыми людьми запрещалось всем армянкам, но далеко не всем мужчинам.

Более высокий процент поощрений родителями социально приемлемого поведения в разных сферах жизни отмечают крымские татары, в особенности это касается поощрения помощи старшим и младшим в семье (90%); все женщины-армянки указали, что очень поощрялось послушание, при этом поощрение самостоятельности вспомнили только 11% женщин (интересно, что самостоятельность поощрялась по воспоминаниям 93% армян-мужчин).

Поощрение самостоятельности у мальчиков и послушания у девочек всегда было свойственно большинству культур, но в современном мире эта тенденция стремительно меняется. Однако, чем более культура стремится сохранить традиционные ценности – в нашем примере это крымские татары и армяне – тем больше ими насыщены родительские протоколы.

Поощрения за успехи в спорте и творческой деятельности отмечают большинство респондентов, но более всего мужчины-армяне и почти все крымские татары (90%). Поощрения за успехи в учебе примерно одинаково и очень часто получали представители всех выборок (в среднем 90%), за исключением армянок, лишь половина которых вспомнили такого рода факты.

Крымчане скупее на похвалы, чем кубанцы. Особенно это относится к мужчинам крымским татарам, тогда как женщины не были этим обделены в детстве и в подростковом возрасте. Вне конкуренции здесь армяне: 100% и мужчин, и женщин отмечают эту форму поощрения, а все армянки – невербальные формы поощрений (и только 7% мужчин). Зато родители-армяне на Кубани не были так щедры на поощрение детей в форме развлечений. Крымчане поощряли детей развлечениями примерно в два раза чаще, чем кубанцы. Меньше поощряли развлечениями только девушек-крымских татарок.

Крымчане скромнее оценивают позитивную значимость родительских запретов и поощрений (кроме 80 % девушек-крымских татарок) и, напротив, чаще отрицают это, чем жители Кубани. Особенно высоко оценивают родительские установки армяне, а 100 % девушек-армянок вообще полагают, что все наставления родителей помогают им в жизни и теперь.

Действие рождает противодействие, то есть, чем больше было запретов в родительских протоколах и чем в более жестких формах это делалось, тем более вероятно стремление избавиться от этих запретов.

Мужчины-славяне в Крыму (12-15 %) и русские мужчины-кубанцы (7 %) менее всего склонны освобождаться от родительских установок, связанных с полоролевым поведением (знакомиться и общаться с девушками). Последние вообще менее чем представители иных выборок стремятся избавиться от родительских запретов. Интересно, что женщины-армянки,

признавшие, «что все наставления родителей помогают им в жизни и теперь», не стремятся избавиться от влияния родительских запретов только относительно полоролевого поведения и выбора друзей, а в остальных случаях их ответы вполне сопоставимы с показателями кубанской выборки русских женщин и мужчин-армян.

Ретроспективный образ желаемого будущего включает такие составляющие как красивая внешность, профессиональный успех, карьера, возможность помогать другим, финансовое благополучие, творчество, благополучная семья, разнообразная, эмоционально насыщенная жизнь, друзья и единомышленники.

В ретроспективном образе желаемого будущего выделяется значимость семейного благополучия, особенно у крымских татар (30%) и девушек-армянок (27 %), профессиональный и карьерный успех у кубанских русских (37 % юношей и 31 % девушек) и мужчин-армян (37%), в сравнении с крымчанами, у которых достаточно равномерно распределились составляющие образа желаемого будущего.

Исследование отношения к жизни как к проекту выявило, что у крымских славян и кубанских русских очевидно выше показатели интернального отношения к жизни, они гораздо чаще полагают, что являются авторами своего жизненного проекта. Ответ «я полностью являюсь автором своей судьбы» дали 64 % русских юношей и 50 % девушек Кубани, 50 и 40% русских юношей и девушек Крыма, 55 и 40% украинцев Крыма.

Менее всего интернальный локус-контроль выражен в армянской и крымскотатарской выборках: родственники, бог, судьба – основные факторы, влияющие на собственную жизнь. Разумеется, это вполне ожидаемый результат, поскольку меньшинства, оберегающие свою идентичность и консолидированность, должны сохранять культурные и религиозные традиции, суть которых – надежда на поддержку со стороны своих и вера в нечто трансцендентное, выходящее за пределы свободной воли отдельного человека. И, напротив, представители количественно больших народов, субъективно не переживающие угрозы разрушения идентичности, спокойней (или равнодушной) относятся к соблюдению и сохранению культурных или религиозных традиций, в большей мере рассчитывая на себя. Причем, нельзя сказать, что одна или другая стратегия позволяет однозначно добиться большего успеха в жизни.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, внутри регионов родительские протоколы и отношение к ним заметно отличается у представителей разных этнокультур. Так различия в показателях у кубанских русских и армян, проживающих на Кубани, проявились в следующем. Родители крымских славян были гораздо менее склонны смотреть сквозь пальцы на немотивированные капризы и «истерички» своих детей. Но наиболее жестко к этому относились родители крымских татар. Родители-кубанцы относились к таким проявлениям детей гораздо более терпимо. Жители Кубани также более терпимы к потенциально опасному поведению.

Лишение развлечений, карманных денег, удовольствий за нарушение запретов на асоциальные поступки в более жесткой форме более характерны для русских и армян Кубани, чем для крымчан.

Физическое воздействие на детей было более всего характерно для четверти родителей – славян в Крыму, в меньшей степени для русских Кубани. Для женщин крымских татарок и армянок большая редкость. Наказание работой более характерным было для воспитательного стиля армян и крымских татар.

Стремление к сохранению традиционных ценностей более всего характерно для родителей армян и крымских татар. Родительские протоколы представителей этих этносов более всего насыщены таким содержанием. Родители нынешних мужчин-армян и крымских татар чаще поощряли детей за успехи в спорте и творчестве. Родители мужчин всех выборок и женщин-крымских татарок поощряли детей за успехи в учебе. В меньшей степени это касалось армянок. В целом, кубанцы (особенно армяне) оказались щедрее на похвалы, чем крымчане, которые чаще поощряли детей развлечениями.

Из крымчан только крымскотатарские девушки высоко оценивают значимость родительских запретов и поощрений, а вот кубанцы, напротив, полагают, что наставления родителей помогают им и сейчас. Особенно это характерно для женщин-армянок.

Избавиться от этих запретов вообще менее всего хотят русские мужчины-кубанцы. Они, а также мужчины-славяне из Крыма признают значимость и полезность родительских установок относительно полоролевого поведения (знакомиться и общаться с девушками). Это же характерно для женщин-армянок - они полностью принимают родительские установки относительно полоролевого поведения и выбора друзей.

У крымских татар и девушек-армянок образ счастливого будущего более всего связывается с семейным благополучием, а у кубанских русских и мужчин армян более значим профессиональный и карьерный успех. У крымских славян составляющие образа желаемого будущего распределены более равномерно.

Крымские славяне и кубанские русские гораздо чаще полагают, что, что являются авторами своего жизненного проекта. В армянской и крымскотатарской выборках интернальный локус-контроль выражен значительно реже.

Среди женщин - крымских татарок и армянок Кубани больше сходств в измеряемых показателях, чем различий. В целом армяне сохраняют больше своеобразия и отличий от славян практически по всем измеряемым показателям, чем крымские татары.

Наиболее явно гендерные различия по измеряемым показателям проявились у армян Кубани, причем, наиболее значимые относительно форм наказаний, родительских запретов и поощрений. Менее всего гендерные различия проявились у славян Крыма и Кубани. Гендерные различия в этнической выборке крымских татар занимают среднюю позицию. Социально приемлемое поведение поощряется представителями всех культур, но все же у мальчиков гораздо чаще поощряется самостоятельность.

Заключение

Анализ результатов исследования выявил ряд этнокультурных и региональных различий. Внутри регионов родительские протоколы и отношение к ним заметно отличается у представителей разных этнокультур.

Стремление к сохранению традиционных ценностей более всего характерно для родителей армян и крымских татар.

У крымских татар и девушек-армянок образ счастливого будущего более всего связывается с семейным благополучием, а у кубанских русских и мужчин армян более значим профессиональный и карьерный успех. У крымских славян составляющие образа желаемого будущего распределены более равномерно.

Крымские славяне и кубанские русские гораздо чаще полагают, что, что являются авторами своего жизненного проекта. В армянской и крымскотатарской выборках интернальный локус-контроль выражен значительно реже.

Среди женщин- крымских татарок и армянок Кубани больше сходств в измеряемых показателях, чем различий. В целом, армяне сохраняют больше своеобразия и отличий от славян практически по всем измеряемым показателям, чем крымские татары.

Библиография

1. Барский Ф.И. «Интервью жизненной истории» Д. МакАдамса как метод исследования нарративной идентичности // Журнал практического психолога. 2010. № 5. С. 158–204.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982
3. Нуркова В. В. Биографическое интервью (учебно-методическое пособие) М.: Изд-во Университета РАО, 2001. – 190 с.;
4. Сапогова Е. Е. Жизненный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68–79
5. Черный Е. В., Тучина О.Р. Исследование жизненных проектов молодежи Крыма//Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 127-148.
6. McAdams D.P., Josselson R. & Lieblich A. (Eds.) Identity and story: Creating self in narrative. Washington, DC, 2006. 284 p.
7. Michael Murray. Narrative psychology and narrative analysis. // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design.. – Washington: American Psychological Association, 2003. P. 95–112
8. Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction / J. A. Singer // Journal of Personality. 2004. № 72 (3). P. 437–459.

Ethnoregional features of the foundations of life projects (based on the research of young people in the Crimea and Kuban)

Oksana R. Tuchina

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of history, philosophy and psychology,
Kuban State Technological University,
350072, 2 Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: tuchena@yandex.ru

Evgenii V. Chernyi

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of social psychology
Crimean Federal University,
95000, 4, Vernadskogo ave., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: cherney56@mail.ru

Abstract

The article presents the results of a comparative study of the influence of the parent protocols (the contents and forms of prohibitions, of rewards of certain acts, actions, situations), forming the instrumental and terminal values and the relevant operational target and attitude of young residents of the Kuban (Russian Armenians) and Crimea (Russian, Ukrainians, Crimean Tatars) on the formation of their life projects (the importance of the components of the desired future, the idea of

authorship of their own life path, or about their dependence on others. Parental protocols were studied in retrospect, based on the respondents' memories, and the components of life projects were mainly studied in current or long-term plans. Analysis of the research results revealed a number of ethno-cultural and regional differences. The desire to preserve traditional values is most pronounced among Kuban Armenians and Crimean Tatars.

For citation

Tuchina O.R., Chernyi E.V. (2020) Etnoregional'nye osobennosti osnovanii zhiznennykh proektov (na materiale issledovaniya molodezhi Kryma i Kubani) [Ethnoregional features of the foundations of life projects (based on the research of young people in the Crimea and Kuban)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (5A), pp. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2020.19.71.022

Keywords

Cross-cultural and cross-regional research, narrative psychology, narrative interview, life project, parental Protocol, image of the desired future.

References

1. Barsky F. I. "Interview of life history" by D. McAdams as a method of research of narrative identity // Journal of practical psychology. - 2010. No. 5. Pp. 158-204.
2. Vygotsky L. S. SOBR. soch.: In 6 vols. T. 1. M., 1982
3. Nurkova V. V. Biographical interview (educational and methodological guide) M.: Publishing house Of the University of RAO, 2001. - 190 p.
4. Sapogova E. E. Life experience in autobiographical narratives of personality // Question of psychology. 2014. No. 1. P. 68-79
5. Black E. V., Tuchina O. R. a Study of the life projects of young people of the Crimea//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2020. Vol. 6 (72). No. 3. Pp. 127-148.
6. McAdams D.P., Josselson R. & Lieblich A. (Eds.) Identity and story: Creating self in narrative. Washington, DC, 2006. 284 p.
7. Michael Murray. Narrative psychology and narrative analysis. // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design.. – Washington: American Psychological Association, 2003. P. 95-112.
8. Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction / J. A. Singer // Journal of Personality. 2004.– No 72 (3). P. 437–459.